УДК 111:12:159.923.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Лященко Максим Николаевич,
Оренбургский государственный университет,
доцент кафедры философии науки и социологии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Оренбург, Россия.
E-mail: megamax82@rambler.ru

Аннотация
Данная статья посвящена социально-философским основаниям одиночества. Автор приходит к выводу, что одиночество является механизмом стирания «личности» в бытие. Причины, порождающие одиночество, лежат в различных противоречиях развития самого общества. Поэтому одиночество – это не столько метафизическое состояние человека, сколько социально-культурный, исторический продукт развития человеческого сообщества.

Ключевые понятия:
одиночество,
общность,
общество,
система.

Любая подлинно философская проблема, а проблема одиночества такой как раз и является, обязательно требует прояснения своих исходных социально-онтологических оснований. Все остальные антропологические, культурные и т.д. аспекты являются производными от социально-онтологического, являющегося точкой отсчета для философии, нацеленной в отличие от научного познания с его разделением на различные узкие познавательные области, на тотальное и глубинное осмысление реальности, «вырывающее» объект-феномен своего внимания из порочного круга его множественных проявлений и вариаций в эмпирической действительности, признавая за ним метаэмпирический статус.

В контексте осмысления феномена одиночества открывается ряд противоречий, которые попытаемся в данной статье «снять»: одиночество – это первичный или вторичный модус существования человека (например, аристотелизм, марксизм в этом вопросе противостоят концепциям персонализма и экзистенциализма), либо третий вариант – равноправный «общности» модус существования человека; одиночество – это спутник человеческого существования, коренящийся в глубинах сознания человека (Б. Миюскович) или одиночество появляется на конкретном историческом этапе общественных отношений (Э. Фромм, М. Бубер); одиночество – это сугубо субъективная форма сознания (экзистенциализм) или порождена (навязана) общественным бытием и происходящими в нем процессами (гегельянство, марксизм).

Опыт философии экзистенциализма исходит из метапредпосылки, что в онтогенетическом плане человеческое бытие изначально одиноко и определяется в качестве личности независимо от общества, хотя и находясь в нем, основываясь на собственном внутреннем опыте саморефлексирования. Общество воспринимается экзистенциалистами односторонне, в качестве системы, которая только направлена на анонимирование личности. Общественное бытие противополагается одиночеству как подлинному состоянию личности, которая стремится выйти из Man для обретения подлинных основ своего собственного бытия. Безусловно, экзистенциализм не отрицал роль общества в становлении личности, но резко ее сужал, учитывая его

влияние только на ранних этапах формирования личности. Роль современного массового общества оценивалась исключительно с отрицательной стороны, ведущей личность к затерянности [12]. Христианская философия и религиозная антропология же исходили из христианского догмата бессмертной души, утверждающего, что человек обладает изначально готовой божественной формой (душой), т.е. готовым, цельным и завершенным ликом, который в процессе жизнедеятельности человеком только раскрывается и реализовывается. Античная философская мысль, марксистская концепция и отчасти неофрейдизм, отстаивают тезис о том, что личность есть продукт общественного развития, и одиночество ему не свойственно изначально. Но все представленные позиции не столько взаимоисключают друг друга и представляются несходящимися противоположностями, сколько диалектически связанными и дополняющими друг друга.

Начнем с того, что эксцентричность человека (маргинальность, принципиальная незавершенность, несовершенность, изначальная непредзаданность, открытость, внесистемная активность (свобода) может получить свою реализацию только в обществе, в котором он «доращивается» до личности, балансируя в диалектически напряженном движении между двумя противоположными полюсами своего существования – общностью и одиночеством. Во-первых, модусы-порядки «общность» и «одиночество» отделены друг от друга тонкой гранью, и граница между ними не является непроходимой и жесткой. В процессе своей жизни и деятельности человек не застрахован от перехода из одного модуса в другой, но только навряд ли это исключительно зависит от его желания. Во-вторых, они имеют амбивалентно диалектическую природу. С одной стороны, они могут выступать точками лишения человека равновесия в его существовании, а с другой – порядками, в которых человек находит устойчивость и постоянство. Но одновременно, оказываясь во власти одного или другого порядка существования, человек пытается избежать его крайностей, где за определенными порогами начинается страдание, вызванное чувством утраты, прежде всего ценностно-личностных основ своего существования и жизнедеятельности, и вследствие этого связей, обеспечивающих идентификационную сопричастность и принадлежность.

Человек возникает не в пустоте, с самого его рождения и до его смерти его окружают разноплановые реальности (природа, общество, культура), которые принимают новую жизнь и служат условиями ее развития. Человек – самое беспомощное существо при рождении, с несовершенными адаптационными способностями, крайне нестабильным и неравновесным существованием, жизнь, которого перманентно сопряжена с околосмертным опытом, особенно на ранних этапах становления. Иными словами, системные образования низшего порядка (например, человек) нуждаются в системах высшего порядка (природа, общество, культура), которые их выводят на предполагаемые устойчивые пути развития. В маленьком возрасте одиночество де-факто равноценно смерти для младенца, хотя он его и не испытывает. Таким образом, одиночество коррелируют со смертью и, одновременно, с несвободой. Все, что ведет к смерти, автоматически оборачивается несвободой для человека. Часто одинокие люди считаются «мертвыми» для общества, или окружающие люди «умирают» для них. Бывают моменты, когда одинокие люди сами считают себя «мертвыми» или так о них, по крайней мере, думают остальные. В одиночестве для индивида все мертвеет, и даже он сам для себя, все тотально становится мертвым (не настоящим, не подлинным, не своим); не просто чуждым, а именно мертвым, одиночество омертвляет. Исходя из этого, можно предположить, что в одиночестве человек не свободен, постепенно и методично такое состояние доводит его до смерти, подтачивая морально и душевно. В одиноком порядке источаются силы человека, его сковывают, лишают главного жизненного принципа – движения как духовного, так и социального. Лишение всякого движения в одиночестве обеспечивается плотностью ставших уже чуждыми окружающих ценностных связей и отношений, из которых выпал индивид, и объемом плотности ценностно-смысловых ориентаций, которые перестают быть доступны человеку.

Следовательно, на уровне инстинкта выживания человек бессознательно избегает чувства одиночества, и это служит самым мощным для него стимулом, чтобы

вступать во взаимоотношения и связи с окружающим его миром и другими людьми, т.е. быть открытым. Например, экзистенциальная позиция основывается на ином взгляде, считая, что в одиноком состоянии человек способен «увидеть» свою подлинную сущность, а значит, начинает истинно жить и существовать [9; 12]. В правоте этому взгляду невозможно отказать, но необходимо заметить, что он справедлив только на определенном этапе развития: только тогда, когда человек выходит из «заброшенности» в общественной системе, т.е. из крайности альтернативного порядка, где он уподобляется средству. Меж тем, одиночество не продуктивно для существования и жизнедеятельности индивида. Это может быть отнесено исключительно к уединению, когда оно носит изначально временный (эпизодический) характер. В таком состоянии происходит «выброс» человека из одной реальности в другую, т.е. его сознание «отрезвляется», он начинает смотреть на вещи и на происходящие процессы другими глазами.

Феномен детей-маугли, выкормленных животными, подтверждает, что природа как высший порядок абсолютно отрицает одиночество и обладает абсолютными механизмами замыкания человека в своих пределах, обеспечивающих единство в ней и с ней. В таком случае система высшего порядка поглощает слабые и крайне неустойчивые системы, которые навсегда теряют возможность быть автономными и самодостаточными. Для них проблема одиночества как интимно-личностная, как проблема их существования не стоит, так как сознание и мышление не способны отрицать, для того что бы утвердить себя в новом качестве, либо вырваться за границы наличного природного бытия. Поэтому это основание дает возможность предположить, что одиночество – это, прежде всего, социальный феномен и встает перед человеком только как общественным существом (личностью). Человек социален по своей природе (Аристотель), но и одновременно обречен быть социальным, так как его личностное начало всегда потенциально находится под угрозой быть поглощенным природой. Историческое развитие общества все дальше удаляет человека от природы, особенно это ощущается в современном техногенном обществе, в котором человек начинает «перерастать» природные и космические границы. Но, с другой стороны, общество, «взращивая» человека до личности, само подготавливает то, что готово при определенных условиях и в подходящий момент «перерасти» не только природу, но и его самого.

Следовательно, между открытыми системами разного порядка образуется целая система каналов связи и сообщений, предназначенных обеспечить поддержание жизнедеятельности и тесную взаимосвязь между ними. Психологами давно замечено, что ощущение общности усиливает любую личность, будь она слабой или сильной, придает ей смысл и упорядочивает ее жизнь. «Люди не находятся просто друг против друга, они пребывают друг с другом вокруг чего-то. Ближний – это сообщник» [6, с. 23]. Но открытыми такие каналы и доступными такие связи становятся тогда, когда в обществе, группе или между индивидами образуются единая система ценностей, оформляющая человека в личностно-индивидуальную социокультурную форму и становящаяся его внутренней жизненной программой. Только разделяемая и принимаемая система ценностей, имеющая подвижные границы, способна изменяться и связывать в единое целое личностей.

Даже критическое отношение личности не всегда способно пересмотреть ту систему ценностей и убеждений, которые закладывались в течение всей жизни и являются господствующими в общественном развитии, и только критические ситуации способны привести к пересмотру ценностных приоритетов и вывести на новые сценарии личностного развития. Таким образом, взгляд Сартра все же больше оправдан на примере зрелой личности, со сформировавшейся глубокой и критической саморефлексией, способной адекватно и критически оценивать происходящие общественные процессы вокруг себя и вырабатывать свою ценностно-мировоззренческую позицию по отношению к ним. Такая возможность предоставляется во временном уединении, а не в полном одиночестве, в котором вообще невозможно определиться и сделать сознательный выбор.

Уединение как раз способствует духовному «перерождению» личности, которое переводит человека на качественно новый уровень духовно-нравственного

развития, что обуславливает новый виток взаимоотношений с Богом, людьми, природой и космосом. Такое перерождение предоставляет возможность обрести новые ценности и выстроить новую ценностную систему связей и отношений в мире. И в таком плане уединение – выбор самого человека, а одиночество – навряд ли!? Ни один человек в мире, скорее всего, захочет по своей воле быть одиноким. Это чувство само подступает и захватывает человека полностью, явно без его на то согласия. Чувство одиночества является тем показателем, когда человек не сам выбирает себя в этой ситуации. Уединение дает возможность не быть поглощенным господствующей системой ценностей и не стать слепым орудием в чужих руках. Сопряженность одиночества со смертью, напротив, превращает личность в закрытый тип системы, ведущий к выгоранию и постепенному самоуничтожению. Такой тип систем не жизнеспособен и ограничен в перспективах своего выживания и развития перед открытыми системами. Одиночество делает человека пассивным наблюдателем бытия. Поэтому внутренние жизненные ресурсы закрытых систем, вне обмена и связей с другими социальными системами, рассчитаны на определенный период времени и, в конечном итоге, перед которыми открывается только одна единственная перспектива – небытие. «Наступает час, – пишет М. Бубер, – такого последнего и обнаженного одиночества, когда безмолвие бытия окажется невыносимым, а все онтологические категории – неприложимыми к реальности» [2, с. 201].

Опасность заключается в том, что в системах высшего порядка открываются тенденции на полное подчинение и пассивную адаптацию систем низшего порядка либо подсистем, входящих в них самих. Вот в этот момент и встает проблема одиночества. С одной стороны, личность может самоизолироваться или ее принудят к изоляции, но это не будет считаться одиночеством, не считая опыта древних греков, в котором вынужденная изоляция была подобна одиночеству. Это происходит в силу того, что общественная система приспосабливает человека постепенно и методично в процессе его доращивания до личности к доминирующей системе ценностей, чтобы он действовал и ввел себя в соответствии с ними. Человек же способен к трансцендированию, к переходу через имеющиеся общественные границы. Но, оставаясь личностью, человек не теряет способности к самоопределению и ориентации в мире, опираясь на систему ценностей, даже будучи в изоляции. Напротив, он прибегает к самоизоляции для сохранения своего индивидуально духовного микрокосма. С другой стороны, одиночество – это механизм, запускаемый имплицитно самим же обществом и процессами, происходящими в нем. Таким образом, общество содержит внутри себя определенные границы, которые не только подчеркивают его границы, но и содержат в себе то, что называется у Гегеля «другим», т.е. то, что в будущем будет отрицать его. Другими словами, общество потенциально уже содержит в себе модус одиночества, который отрицает автоматически определенность бытия общества как свою противоположность. Одиночество, таким образом, зреет внутри самого общества, и только тогда становится понятным, почему оно бывает и в кругу семьи, друзей, коллег, и на вершине власти, и на низших уровнях социальной иерархии. Под таким углом рассуждения точка зрения экзистенциалистов является несостоятельной и довольно сомнительной. Одиночество не изначальный и предзаданный модус человека (Хайдеггер), а механизм «вытеснения» личности за пределы общества, вытесняя его физически, ценой, как правило, гибели самой личности.

Общество вынуждает человека быть одиноким и искать спасение от одиночества в приспособленческой стратегии поведения, жертвуя всем тем, что в нем есть от личности. Прав был К. Маркс, указывавший на то, что «индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни» [7, с. 118]. Под таким углом зрения довольно сомнительно говорить об одиночестве как самоидентификационной платформе личности, включающей саморефлексирующие средства, обеспечивающие ей самоопределение и перестройку ценностно-смысловых структур.

Отдельным вопросом остается вопрос о самосознании человека, которое явля-

ется условием одиночества, так как одиночество – это форма само-осознания потери и «стирания» себя как личности в бытие. Самосознание формируется только в обществе, во взаимодействии с другими носителями сознания и является важной составной частью человеческой жизнедеятельности. «Человек, по сути, рождается только с того момента, когда он осознает самого себя как субъекта познающего. Следовательно, суть человека – это самосознание. Чтобы утвердить себя, самосознание должно отличать себя от того, чем оно не является» [5, с. 224–225]. Но механизм самосознания – это следствие сопоставления и соотношения себя с другими, налаженной связи между человеком и человеком, открытым и взаимосвязанным диалогом между ними. «Сосредоточение и сплавление в целостное существо не может осуществиться ни через меня, ни без меня: Я становлюсь Я, соотнося себя с Ты; становясь Я, я говорю Ты» [3, с. 21]. Человек, чтобы осознать себя особым, самобытным и уникальным существом, должен сопоставить и соотнести себя с другими системами («Другие», «Ты», «Иные»). И в результате – сформировавшаяся и утвердившаяся субъективность в мире, отрицающая последнего ради себя – себя особого (индивидуального), единственного, уникального и цельного. Таким образом, сознание и самосознание представляют неразрывное диалектическое единство, одно без другого не может существовать. Самосознание – это не только саморегуляция и самоконтроль, это, прежде всего, самопознание, которое и делает существование человека проблемой для самого себя. Таким образом, границы собственного бытия личности выявляются и обнаруживаются только посредством познания и отличия себя от иного бытия, бытия других, влияя на структурообразующий процесс личности.

Но самое парадоксальное заключается в том, чтобы самосознание начало отрицать во имя признания себя, оно должно быть признано другими духовными системами (личностями), которых она в свою очередь отрицает, а другие «Я» отрицают его самобытие, чтобы утвердить себя. Получается, что взаимное отрицание «Я» и «Ты» приводит к диалектически взаимному порождению и утверждению самих себя же. В таком плане об одиночестве как крайней форме отрицания противоречиво говорить, так как для отрицания своего «Я» требуются всегда другие.

Свою социальную природу и жизненно необходимое диалектическое соотношение человека как части с теми реальностями, в которых он появляется, которые обуславливают его, каждая в определенной степени и на определенном этапе его развития, сопровождая его на протяжении всего жизненного цикла и даже после его смерти, трудно человеку перерасти, отбросить и не каждый на это способен, но возможность такого исхода остается. Поэтому от своей социальной природы человеку не уйти, не избежать общения и вступления в коммуникационные связи и контакты. С точки зрения такого концептуального взгляда тип человека, представленный в экзистенциализме, как монологичный, замкнутый в себе, самодостаточный субъект, стремящийся добиться полноты «бытия-в-себе», при этом оставаясь свободный за счет других, по нашему мнению, не может существовать. В замыкании человека всегда есть причины, сдерживающие его внутри себя и не дающие раскрыться человеку. В таком плане критика позиции Сартра и отчасти Хайдеггера оправданна [4, с. 120; 165, с. 170–171]. Человек обусловлен через общение и диалог с другими людьми и системами других порядков, и только через бытийственные, гносеологические, психологические и исторические возможности и условия вступления в диалог с «Другими» («со-бытие» или «бытия-события») в человеке формируется самосознание и субъективность. В этом плане трудно не согласиться с Аристотелем, видевшем необходимость предшествования Целого (систем высшего порядка) своим частям (системам низшего порядка) [1, с. 379].

Потребность в общении, в сопричастности, единении фундаментальнее и первичнее потребности, быть в уединении и, тем более, в одиночестве. Потребности в одиночестве в целом нет и не может быть у человека. Одиночество – это вторичный и вынужденный модус бытия человека, вытекающий как возможность из актуальности (общности), находясь постоянно в потенции, т.е. возможности быть или не быть при определенных условиях. Определенные общественные процессы или жизненные обстоятельства способны активировать одиночество. Не

было бы общества как системы высшего порядка и чувства общности, не было бы и того полюса, который диалектически противоположен ему – одиночества. Человек нуждается в других не меньше, чем они в нем, и это определено и предопределено ему природой его же социально-материальных потребностей.

С точки зрения роли доминирующей системы ценностей в обществе, определяющей ценностные установки, ориентации в мире и образцы поведения в обществе человека, разрешается проблемный узел, характеризующейся разностью взглядов на социально-онтологический статус одиночества. Первая точка зрения утверждает, что одиночество связано с зарождением капиталистических отношений и индустриального общества [2, с. 192; 11, с. 41]. Другая точка зрения обосновывает одиночество как базовый феномен сознания человека, который видоизменяется в процессе общественного развития [8, с. 27]. На наш взгляд, социально-экономические отношения и господствующая система ценностей актуализируют посредством разного рода обстоятельств проблему одиночества, до тех пор она находится в потенции. Таким образом, одиночество – это социально-культурный продукт развития человечества, в силу этого он выступает в потенциально возможном виде для человека.

Общество является сложной, структурированной, разноуровневой, самоорганизующейся системой, которая детерминируется как внутренними противоречиями, так и внешними флуктуациями. Каждый уровень обусловлен специфическими противоречиями, которые характеризуют данный уровень и выступают причинами, порождающими разного рода явления, в частности одиночество как социально-экзистенциальный феномен. В обществе мелкие противоречия связаны с более крупными, а те в свою очередь могут быть обусловлены первыми, и все это сплетается в единую систему взаимосвязанных противоречий. Поэтому общество выступает тем общим основанием, порождающим различного рода события-обстоятельства, которые могут стать достаточным основанием порождения одиночества в любой его форме, но они суть всего лишь факты, предметы статистических операций частных наук, а не самой философской рефлексии. Это может быть и культурное отчуждение, и социально-культурная маргинальность, и одиночество, вызванное аномией (Дюркгейм, Мертон), или «разрывом поколений» (Тургенев), и неприятие индивида социальной группой или одиночество как следствие социальных и структурных изменений в обществе (Парсонс), или политического, или социального бессилия и другими социально-культурными событиями.

Итак, вне социальной реальности, которой является общество, вне духовно-сознательной деятельности человека в мире как личности и диалектической связи первого обстоятельства с последним, не может ставиться вопрос о природе одиночества. Именно вокруг этой диалектической взаимосвязи актуализируется проблемность одиночества и как феномена самосознания, и как социально-культурного явления. Духовно-экзистенциальная выделенность человека как особой части Целого (общества) лишь предпосылка, которая не реализовалась бы и не смогла бы актуализироваться, если бы не сложное и противоречивое развитие самого общества. Поэтому одиночество не равный модус, а скорее акцидентный, рождающийся по причине глубоких диалектических противоречий, возникающих в самом обществе и между ним и личностью как его частью. Одиночество – это механизм, запускаемый имплицитно самим обществом для «стирания» ценностно-личностной информации о человеке в бытии.

1. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель // Соч. в Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

2. Бубер, М. Проблема человека [Текст] / М. Бубер // Два образа веры: пер. с нем. М.: Республика, 1995. С. 157–232.

3. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер // Два образа веры: пер. с нем. М.: Республика, 1995. С. 15–93.

4. Гуревич, П.С. Проблема целостности человека. [Текст] / П.С. Гуревич. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.

5. Камю, А. Бунтующий человек [Текст] / А. Камю // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. С. 119–356.

6. Левинас, Э. От существования к существующему [Текст] / Э. Левинас // Избранное: Тотальность и Бесконечное. М., Спб.: Универс. кн., 2000. 416 с.

7. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс.

Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

8. Миюскевич, Б. Одиночество: междисциплинарный подход [Текст] / Б. Миюскевич // Лабиринты Одиночества. М.: «Прогресс», 1989. С. 52–87.

9. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. [Текст] / Ж.П. Сартр. М.: Республика, 2000. 639 с.

10. Филиппов, Л.И. Философская антропология Жан-Поля Сартра (Критический очерк). [Текст] / Л.И. Филиппов. М.: «Наука», 1977. 288 с.

11. Фромм, Э. Бегство от свободы / Пер. с анг. Д.Н. Дудинский. [Текст] / Э. Фромм. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 354 с.

12. Хайдеггер, М. Бытие и время. Перевод В. Бибихин. [Текст] / М. Хайдеггер. М.: Издательство "Ad Marginem", 1997. 453 с.

References

1. Aristotel' (1983). Politika / Soch. T. 4. Moscow, Mysl', pp. 375–644 [in Rus].

2. Buber M. (1995) Problema cheloveka / Dva obraza very: Per. s nem. Moscow, Respublika, pp. 157–232 [in Rus].

3. Buber M. (1995) Ja i Ty / Dva obraza very: Per. s nem. Moscow, Respublika, pp. 15–93 [in Rus].

4. Gurevich P.S. (2004) Problema celostnosti cheloveka. Moscow, IF RAN, 178 p. [in Rus].

5. Kamju A. (1990) Buntujushhij chelovek / Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo: Per. s fr. Moscow, Politizdat, pp. 119–356 [in Rus].

6. Levinas Je. (2000) Ot sushhestvovanija k sushhestvujushhemu / Izbrannoe: Total'nost' i Beskonechnoe. Moscow, Saint Petersburg, Univers. kn., 416 p. [in Rus].

7. Marks K., Jengel's F. (1974) Jekonomicheskofilosofskie rukopisi 1844 g. / Sochinenija. Moscow, Politizdat, t. 42, pp. 41–174 [in Rus].

8. Mijuskevich B. (1989) Odinochestvo: mezhdisciplinarnyj podhod / Labirinty Odinochestva. Moscow, «Progress», pp. 52–87 [in Rus].

9. Sartr Zh.P. (2000) Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii. Moscow, Respublika, 639 p. [in Rus].

10. Filippov L.I. (1977) Filosofskaja antropologija Zhan-Polja Sartra (Kriticheskij ocherk). Moscow, «Nauka», 288 p. [in Rus].

11. Fromm Je. (1998) Begstvo ot svobody / Per. s ang. D.N. Dudinskij. Mn., OOO «Popurri», 354 p. [in Rus].

12. Hajdegger M. (1997) Bytie i vremja. Perevod V. Bibihin. Moscow, Izdatel'stvo «Ad Marginem», 453 p. [in Rus].

UDC 111:12:159.923.2

SOCIAL AND PHILOSOPHIC BACKGROUND OF SOLITUDE

Lyashchenko Maksim Nikolaevich,
Orenburg State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy of Science
and Sociology,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Orenburg, Russia.
E-mail: megamax82@rambler.ru

Annotation
The article focuses on the social and philosophic background of solitude. The author comes to the conclusion that solitude is a mechanism of "a person's erasing" in the existence. The causes of solitude lie in different contradictions of a society development itself. So, solitude is not so much a metaphysical state of a person as social, cultural, historical product of the development of a human society.

Key concepts:
solitude,
community,
society,
system.